

УДК 82-131

**Переводы «Одиссеи» А. Попом и В. Жуковским:
стилистика-смысловая трансформация эпического
текста как способ адаптации к эстетике Нового времени**

Сердечная Вера Владимировна

Кандидат филологических наук,
научный редактор ООО «Аналитика Родис»,
142400, Московская обл., г. Ногинск, ул. Рогожская, д. 7;
e-mail: rintra@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросам переводческой трансформации текста «Одиссеи» Гомера в ключевых для русской и английской культур переводах В. Жуковского и А. Попа. Рассмотрев вкратце историю освоения сюжета «Одиссеи» в европейской культуре, автор останавливается на стилистико-смысловых трансформациях текста в переводе В. Жуковского (архаизация, сказочность) и в переводе А. Попа (романтизация, «поэтизация» исходного текста). Переводы Гомера, таким образом, являют собой не столько воссоздания оригинала на новоевропейском языке, сколько новые произведения искусства, следующие в стилистике традициям своей эпохи.

Ключевые слова

Гомер, «Одиссея», А. Поп, В. Жуковский, переводоведение, переводческая трансформация.

Введение

Общепризнано, что «перевод в современном мире утвердился как

постоянная, повсеместная и необходимая форма деятельности; что, делая возможным духовный и материальный обмен между народами, он

обогащает жизнь народов и способствует лучшему пониманию между людьми»¹. Несомненно огромная роль перевода как средства межкультурной коммуникации и развития оригинальной литературы. Так, например, Д.С.Лихачев связывает активную переводческую деятельность в России с началом нового этапа развития оригинальной литературы: «со второй трети XVIII в. усвоение опыта переводов западных литератур начинает совершаться интенсивно, и именно с этого периода можно считать окончательно утвердившимся новый период русской литературы»².

Тем не менее открытым остается вопрос о степени переводимости произведений литературы как художественных единств, сложно организованных на всех уровнях.

Как пример одной из точек зрения на проблему можно привести полшутливое определение Набокова в его «On translation “Eugene Onegin”» (На перевод «Евгения Онегина»):

What is translation? On a platter
Что есть перевод? На блюде

1 Хализев В.Е. Теория литературы. – М., 2000. – С. 4.

2 История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. В 2 т. – СПб, 1995. – Т. 1. Проза. – С. 10.

A poet's pale and glaring head,
Поэта бледная и слепящая голова,

A parrot's speech, a monkey's chatter,

Речь попугая, обезьянья болтовня

And profanation of the dead.

И осквернение мертвых³.

Проблема перевода уходит корнями в глубокое прошлое. В истории словесности долгое время господствовало мнение о значимости языковой принадлежности текста для передачи смысла. Прежде всего это относилось к переводам сакральных текстов, которые должны были быть аутентичны боговдохновенному источнику, где, по классической формуле блаженного Иеронима, «даже порядок слов является таинством»⁴. Переводы Библии, не освященные традицией (в отличие, например, от «Септунгиаты», Ветхого Завета в переводе семидесяти), осуждались церковью, в связи с чем во многих христианских странах как отдельный культовый язык при-

3 Набоков В. Избранное. – М., 1990. – С. 617. Здесь и далее подстрочный перевод наш – В.С.

4 История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. В 2 т. – СПб, 1995. – Т. 1. Проза. – С. 29.

нимался и долгое время существовал язык богослужения, отличный от народного (нр., церковнославянский), а часто (в странах *Slavia Latina*) и не родственный ему. Споры о значении отдельных слов Писания становились фактором церковных распрей, значимыми становились и некоторые грамматические особенности, например, число и род существительных, и даже внешний вид алфавита воспринимался как смыслодержащая структура.

Подход к языковой структуре текста как к носителю определенно-го содержания распространялся и на иные формы словесности. В 1790 г. Кант пишет: «Образцы вкуса, что касается риторических искусств, должны быть составлены на языке мертвом и ученом; первое для того, чтобы не пришлось им претерпевать перемен, какие неизбежно постигают живые языки, так что благородные выражения делаются плоскими, обычные устаревают, а новообразуемые лишь кратковременно вводятся в обращение; второе – для того, чтобы была у него грамматика, не подверженная капризной смене моды, но с правилом неизменным»⁵. А.В. Михайлов

объясняет высказывание философа как мнение эпохи мифориторики, эпохи «готового слова», когда «культура ... консервирует и воспроизводит свои содержания в форме мифа, замыкает их в своем слове, и, переводя их в междуцарствие... между самой истиной и самой ложью, реальностью и вымыслом, уберегает их от любой непосредственной критики»⁶. В рамках этой культуры единство текста обеспечивает единство его понимания, и для правильного восприятия необходима только неизменность языка, предпочтительно мертвого.

Но это состояние преходяще: знаком перелома становится Реформация, когда после долгой борьбы Библия переводится на новые языки, отвергается догмат о безусловной значимости языковой формы для передачи сакрального смысла. С этого времени, когда культура риторического слова начинает разрушаться, слово воспринимается уже не в контексте символических трактований, а как носитель непосредственного, авторского смысла; идея автора как создателя нового текста по новым правилам, а не воплотителя определенных нормативных требований, находит наибо-

5 Михайлов А.В. Языки культуры. – М., 1997. – С. 514.

6 Там же. – С. 512.

лее яркое выражение в культуре конца XVIII – начала XIX века, в эстетике романтизма. Меняется и отношение к переводческой деятельности, которая воспринимается уже не как стремление дословно передать оригинал, а как стремление к взаимодействию, диалогу культур. В этом смысле закономерно, что «романтическая эстетика... противопоставляла переосмысляющие образец свободные переводы подстрочникам, покорно следующим за оригиналом»⁷.

Художественный перевод занял свое место в литературе как одно из главных средств межкультурной коммуникации, как необходимое и значимое звено между разными национальными и языковыми традициями. Сегодня на русском и английском, например, языках существуют художественные переводы литературных произведений всех эпох, от античности до современности, охватывающие тексты, созданные на самых разных языках, от древнегреческого до японского. Русский или английский читатель имеет возможность окунуться в океан мировой литературы, не выходя за пределы собственного языка. Как

отмечает А.Н. Егунов, «и отдельные произведения, и некоторые авторы в целом только в переводах становятся в культурном обиходе тем, что мы называем, например, «Дон Кихот», «Робинзон Крузо», Шекспир и т.д.»⁸. Перевод – это идеальная интерпретация текста: перекодирова смысл оригинала, он делает его узнаваемым и родным для нас, адаптирует иноязычное произведение к нашей культуре.

Но перевод, как и оригинальный текст, существует в рамках историко-литературной определенности. Переводное художественное произведение также может устареть стилистически; и тогда возникает вопрос о необходимости нового перевода того же текста, который остается неизменен.

Если перевод – это интерпретация, то с течением времени, с изменением восприятия произведения назревает потребность в других интерпретациях, других переводах. Появляясь, они дополняют понимание оригинального текста, но сам подлинник начинает существовать как бы в промежуточном пространстве между разными переводами, а читатель получает возможность более свободной трактовки произведения.

7 История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. В 2 т. – СПб, 1995. – Т. 1. Проза. – С. 23.

8 Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII – XIX веков. – М., 2001. – С. 9.

**Переводы «Одиссеи» на
новые языки как средство
культурного осмысления
античного наследия**

Художественный перевод произведений древности на новые языки – это один из способов доказательства способности национальных литератур к созданию достойной собственной литературы. В этом смысле символично, что первый художественный перевод в истории европейской литературы – это стихотворный перевод на латынь поэм Гомера, выполненный Ливием Андроником. С тех пор, как замечает А.Н. Егунов, «“Гомер” – это прежде всего переводы или лишь одни только переводы, иначе он остался бы достоянием лишь узкого круга филологов»⁹.

История культурного осмысления античности в новое время неразрывно связана с восприятием древнейших памятников греческой литературы – поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея». Интересно, что до XV века сами поэмы не были известны, но широко распространены были латинские повести Диктиса «*Ephemeris Belli Troiani*» и Дарета «*Historia Daretis Phrygii De Excidio Troiae*», относя-

щиеся к IV – V векам н. э., в общих чертах пересказывающие события Троянской войны и частично – «Одиссеи». Таким образом, после затихания античных споров о Гомере в течение многих веков Европа не нуждалась в его произведениях – ни как в источнике историческом, так как эту функцию выполняли тексты Диктиса и Дарета, ни как в литературном образце, тем более что гомеровская мифология являлась образцом языческого мировоззрения, чуждого христианской Европе.

В этом плане интересно отношение к Гомеру как к писателю языческому в России (в византийской литературе само слово *эллин* значило *язычник*). «Граны Омировы» как пример мудрых мыслей и правдивых картин цитируются в переводах житий, а сам Гомер, наряду с Платоном и Еврипидом, по византийской традиции, как мудрец и пророк, изображается в церквях на дверях, сводах и даже в иконостасе. Таким образом, греческая традиция, в Европе замененная латинской, в России не прерывалась не только в отношении церкви, но и в плане словесности. Русская культура наследовала черты византийской, в литературе которой на всем протяжении ее существования были различимы сле-

⁹ Там же.

ды античной лексики, метафоры, фразеологии. Многочисленные кальки с греческого усваивались из переводов оригинальной литературой. Но усваивался не только античный стиль: в произведениях древнерусской словесности видно знакомство с греческими текстами, хотя бы и понаслышке: не только язычник «Омир» (как и другие философы и поэты древности), но и его герои упоминаются с положительной оценкой: так, в одной из редакций жития Александра Невского полководец уподобляется «царю Алевхысу крепкому и храброму», то есть Ахиллу¹⁰.

Свою роль играла и преемственность греческого и старославянского языков, так как последний, язык древнейших славянских переводов богослужебных книг с греческого языка, был специально создан как язык славянской письменности прежде всего для перевода греческой Библии, что отразилось на синтаксисе и словообразовании, а также семантическом наполнении лексики этого языка, на протяжении многих веков взаимодействовавшего с русским.

В 1488 году поэмы Гомера публикуются в Европе, и только после этого становятся доступны читателю.

¹⁰ Там же. – С. 19.

К этому времени возрастает интерес к античности, которая воспринимается как единое целое, как своеобразная первооснова культуры, надолго оказавшаяся в забвении. Тем не менее Гомер не сразу становится известен, нужно время для того, чтобы вновь обретенные произведения вошли в культурный фонд. В этом плане показательно, что повести Диктиса и Дарета, широко известные в Европе, издаются в печати раньше, чем «Илиада» и «Одиссея».

В конце XVII века появляются первые переводы поэм на европейские языки – процесс, сопоставимый с Реформацией. Этому предшествует работа Шарля Перро «Parallèles des Anciens et des Modernes», положившая начало «спору древних и новых», дискуссии о достоинствах и недостатках древней поэзии, и в особенности Гомера, по сравнению с более поздним просвещенным и утонченным искусством. Переводы Гомера становятся опытами переложения древности как таковой, способом высказать свое к ней отношение.

Конец XVIII – начало XIX веков – время подлинного возрождения античности в общественном сознании. К ней обращаются исследователи (Винкельман, Вольф) и поэты

(Гете, Шиллер, Гельдерлин, Китс, Шелли, Шенье) Отход от системы классицизма, имеющей в своей основе нормативность поэтики Аристотеля, совпадает по времени с подъемом интереса к европейской древности, когда античность начинает восприниматься не в сумме символических напластований, «готовых слов твердого фонда культуры»¹¹, а в непосредственности поэтического слова. «Сопряженность рубежа XVIII – XIX веков с античностью – близость особого рода... близость именно начала и такого конца, который возвращается к своему детству и – в качестве риторического слова – умирает, отрицая свое рождение»¹². Закономерно, что возрастает интерес к греческому, а не римскому искусству, и к Гомеру как поэту наиболее архаичного, наиболее непосредственного периода античной культуры.

Античные темы и образы в русской литературе в это время также становятся значимы, сначала в рамках классицистической поэтической фразеологии, как у Сумарокова и Ломоносова, а затем переосмысливаются и как основа собственного творчества

(стихотворения Жуковского и Батюшкова). В России этот процесс не связан с резким переломом общественного мнения. Интересно, что русский романтизм наследует античности (и римской, и греческой) в основном в гражданском пафосе либо в стилизациях аллегорического толка (элегии Жуковского), генетически восходящих к той же поэтической фразеологии, к античному слову и образу как к смысловой константе риторической культуры. Как замечает исследователь, в русской литературе конца XVIII – начала XIX века «античная традиция... мыслилась не как особый тип жизни и поэзии, а как составная часть поэтической конструкции»¹³.

В английской литературе, как и в целом в европейской традиции, романтизм неразрывно связан с античностью, которая становится не просто знаком поэтического языка, но своего рода поэтическим кодом, который может быть применен для выражения особого содержания, соответствующего именно античной форме. Образы и сюжеты классической древности подвергаются авторскому переосмыслению в произведениях Китса, Байро-

11 Михайлов А.В. Языки культуры. – М., 1997. – С. 513.

12 Там же. – С. 518.

13 Поляков М. Вопросы поэтики и художественной семантики. – М., 1978. – С. 203.

на, Шелли, причем поэты обращаются именно к греческой, а не римской мифологии, разделяя эти области как два различных культурных пласта.

Для более подробного исследования восприятия гомеровского эпоса в русской и англоязычной культуре интересно сопоставить наиболее востребованные читателем, получившие наибольшее признание стихотворные переводы Гомера. Классическим переводом «Одиссеи» на русский язык стал перевод Жуковского, а на английский – Александра Попа. Во время создания этих переводов «проверка способности национального стихосложения воспроизвести звучание античного стиха была для метрики новых литератур чем-то вроде экзамена на полноценность»¹⁴. Но и сама возможность звучания Гомера на новых языках была еще не доказана: переводы украшающие, чей стиль от вечал салонному вкусу, должны были слишком далеко отстоять от простоты гомеровского слога, в то время как переводчики, тяготевшие к максимально точной передаче греческого текста, обвинялись в неудобочитаемости. Пути решения этой проблемы были различны, и если героический пафос

¹⁴ Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. – М., 1984. – С. 293.

«Илиады» находил соответствия в национальном героическом эпосе, то художественное своеобразие «Одиссеи» должно было искать другие параллели.

У этих переводов существовала своя предыстория, более ранние варианты передачи Гомера на русском и английском языках. Особое значение, придаваемое переводам Гомера, можно проиллюстрировать словами русского А.Н. Егунова о том, что «нет русского Тассо, русского Мильтона, русского Вергилия или Овидия – их появление на русском языке не составляло того, что можно назвать литературным фактом... но есть русский Гомер, т.е. своеобразная русская версия Гомера»¹⁵, и высказыванием первого английского переводчика Гомера, Чапмена, о том, что «Гомер естественно близок по духу английскому гению»¹⁶.

Первым переводом «Одиссеи» на русский язык стал оставшийся в рукописи прозаический перевод с латыни, выполненный Кондратовичем в 1760-х годах (он был и первым переводчиком «Илиады»). О стиле перевода могут свидетельствовать отрывки:

¹⁵ Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII – XIX веков. М., 2001. – С. 9-10.

¹⁶ Stanford W.B. The Ulysses Theme. – Oxford, 1963. – P. 316.

«богоподобный Телемак, сидящий между волокитами», «пречестная нимфа Калипса... особенно желая за его замуж выйти», «ответствовала ему потом сероглазая богиня Паллада: о батюшка наш, Юпитер Сатурнович», «Улисс горяч сердцем, хотя дым, исходящий из своего отечества, видеть» (строка из «Одиссеи», ставшая прародительницей знаменитого грибоедовского «И дым отечества нам сладок и приятен»)¹⁷. Просторечие переводчика – не дань какой-либо переводческой установке, а свидетельство простодушного подхода к гомеровскому тексту, «Кондратович переводил Гомера так же, как и любой другой текст, подвернувшийся ему под руку»¹⁸. Об этом, в частности, говорит модернизированный быт перевода: «кавалеры троянские» носят «штилеты с серебряными пуговицами», «полукафтаны», ездят в «каретях» и т.д.

Второй перевод «Одиссеи», изданный в 1788 году, остался анонимным. Он также был прозаическим, но в нем уже заметна явная стилистическая установка на архаизацию, что достигалось путем введения в текст

славянизмов – как лексических, так и синтаксических: «ты убо блаженная в женах», «царю Менелает!», «восшедшу солнцу увидел паки страшную Скиллу и смертоносную Харибду». Своеобразный комический эффект получался от встречи торжественной лексики с обиходными словами: «нимфа ослабилась», «что ты на раме своем несешь лопату?»¹⁹. Среди ученых продолжают споры об авторстве этого перевода и о том, с какого языка он сделан – с латыни или с греческого.

Таким образом, два первых перевода «Одиссеи» на русский язык уже определили два противоположных подхода к гомеровскому тексту: следует переводить простым, современным разговорным языком или, напротив, архаизированным и торжественным. Иначе говоря, либо сделать Гомера современником читателя, либо «переселиться в век Гомера, сделаться его современником», как писал в предисловии к «Илиаде» Гнедич²⁰.

Среди переводчиков отрывков из «Одиссеи» можно назвать И.А. Крылова (1820-е, отрывок I песни), К.П. Масальского (1831, отрывок II песни), Джунковского (1840,

17 Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII – XIX веков. – М., 2001. – С. 43-46.

18 Там же. – С. 44.

19 Там же. – С. 63-64.

20 Там же. – С. 65.

I песнь); в качестве полемического выпада против архаизирующих переводов в статье об «Одиссее» Жуковского (1859) приводит примеры своего перевода О.М. Сенковский, сторонник старинной теории Скалигера о простонародности Гомера:

Про мужа порасскажи мне,
муза, преувертливого, который очень
много

Скитался, после того как Трои
святой городишко разрушил.

Многих-то он людей увидел,
города и разум узнал!²¹

Перевод Жуковского впервые представил на русском языке «Одиссею» полностью в таком виде, чтобы она удовлетворяла потребностям общественного вкуса. Переводческая одаренность Жуковского стала причиной высочайшей популярности его «Одиссеи» вплоть до современного времени, несмотря на появление более близких к оригиналу переводов.

В английской литературе первым переводом «Одиссеи» стал выполненный в 1614-1615 годах перевод Чапмена, хотя образ Одиссея был там более знаком читателям в традиции его осмысления, как по произведениям античной и европейской лите-

21 Там же. – С. 347.

ратуры, в том числе по английскому варианту повестей Диктиса и Дарета, так и по оригинальным произведениям.

Перевод Чапмена, написанный «прекрасным, четким, грубым старым английским»²², лаконичен и достаточно точен, в нем нет украшенности перевода Попа, вызванной «августианской» эстетической установкой. Поп как поэт и переводчик, отдавая дань времени, ориентировался на «золотой век» римской литературы, век Августа, когда провозглашались принципы соразмерности, «золотой середины», которым текст Гомера не всегда соответствовал. Вот пример перевода первых строк поэмы Чапменом:

The man, o muse, inform, that
many a way

Об этом человеке, о муза, сообщ
щи, что много путей

Wound with his wisdom to his
wished stay;

Обошел с мудростью к своей
желанной остановке;

That wandered wondrous far,
when he the town

Что скитался удивительно да
леко, когда он город

22 Buckley T.A. Introduction to Homer's Odyssey translated by Alexander Pope [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gutenberg.net

Of sacred Troy had sack'd and shivered down.

Священной Трои ограбил и потряс до основания.

Перевод Попа затмил более раннюю версию Чапмена и заставил надолго, до времен романтиков, забыть о ней. «Одиссея» в переводе XVII века, ее простой и четкий язык, выразительность, родственная шекспировской, вновь были оценены только в начале XIX века, когда Китс написал свой сонет «On first looking into Chapman's Homer».

Краткий обзор истории перевода «Одиссеи» на рассматриваемые языки показывает, что стилистический облик переводного текста напрямую зависит от эпохи и переводческой установки. Перевод гомеровского текста как особого стилистического целого еще не входил в задачи переводчиков. Рассматривая преобразование образа Одиссея в переводах и литературных произведениях, американский ученый замечает: «Также как художники, писавшие на библейские темы в более свободные эпохи европейского искусства, в основном представляли своих патриархов и апостолов в современном платье, так писатели последовательно одевали Улисса как ахейского воина, римского легата, средневеко-

вого рыцаря-в-доспехах, елизаветинского советника, испанского идальго и так далее, до дублинца в *Улиссе Джойса*»²³. Эта тенденция была замечена еще раньше, «Отечественные записки» писали в 1839 году, что переводчики XVIII века – Дасье, Чезаре, Поп – «садили искусственные кусты роз на диковеличественных равнинах Фригии и завертывали в папильюты волнистые кудри сына Пелеева»²⁴.

Позже были выработаны новые подходы к переводу Гомера, но вопрос об адекватной передаче его на новых языках остается не полностью разрешен. Так, исследователи подвергают сомнению уверенность в том, что русский (как и английский, и немецкий) тонический гексаметр, сам по себе не являясь адекватной заменой античного метра, может сочетаться с современной лексикой: «...переводы Гомера на наш обычный повседневный язык – это «Гомер в пиджаке», между тем гекзаметрическая, условно античная схема заставляет переводчика выполнять классические па, не снимая пиджака»²⁵.

23 Stanford W.B. The Ulysses Theme. – Oxford, 1963. – P. 4.

24 Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII – XIX веков. – М., 2001. – С. 258.

25 Там же. – С. 377.

Переводы Попа и Жуковского как подходы к передаче эпического языка Гомера

Александр Поп, английский поэт, в начале XVIII века переводит обе поэмы Гомера. Это – второй художественный перевод гомеровского эпоса на английский язык, надолго затмивший более раннюю версию Чапмена. В первой половине XVIII века этот перевод считается одним из лучших в Европе; по крайней мере такой знаток древности, как Винкельман, советует читать Гомера если не на греческом, то в переводе Попа. Таким образом, перевод считается не только высокохудожественным, но и достаточно близким к подлиннику, хотя уже Бентли пишет, что «поэма Попа хороша, но при чем здесь Гомер?»²⁶. Несмотря на появляющиеся в дальнейшем в большом количестве стихотворные и прозаические переводы Гомера на английский язык, «перевод этот остается в Англии классическим»²⁷.

Гомер в переложении Попа имел свою историю русского прочтения. Так, в 1763 г в одном из журналов английский перевод характеризовался

как весьма точный (в переводной статье, выражающей взгляды «модернистов»): «Г. Попий в своем переводе гомеровских сочинений без страха может уязвлять героев и в правое плечо, и в других местах, называя все именем»; в его переводе «ни одна красота Гомерова не потеряна... а погрешности большею частью или исправлены, или скрыты»²⁸. Карамзин, который выполнил александрийским стихом перевод отрывка из «Илиады», озаглавленный «Прощание Гектора с Андромахой», при посещении Англии в деревне Твитнам обращает внимание на то «место, обсаженное деревьями», где Поп в летние дни переводил Гомера, и замечает, что «в английских поэтах есть какое-то простодушие, не совсем древнее, но сходное с гомеровским»²⁹. А его противник в вопросе о русском литературном языке Шишков переводит прозой XVI песнь «Илиады» с перевода Попа, не будучи знатоком английского языка: вероятно, обращение к английской традиции свидетельствовало о тенденции к отказу от французского посредничества в освоении античной культуры.

26 Там же. – С. 122.

27 Ошеров С. Послесловие// Гомер. Илиада; Одиссея. – М., 1967. – С. 712.

28 Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII – XIX веков. – М., 2001. – С. 73.

29 Там же. – С. 109.

Классическим образцом перевода Гомера на русский язык стал перевод «Одиссеи» Жуковского (наряду с гнедичевской «Илиадой»). Не зная греческого, Жуковский переводил поэму с немецкого подстрочника. Перевод написан гексаметром и выполнен за рекордно короткие сроки. «Одиссея» Жуковского окрашена тональностью раннего русского романтизма. Ее очень высоко оценил Гоголь, но, в отличие от «Илиады» Гнедича, она не вызвала ни споров, ни похвал. Тем не менее «Одиссея» на русском языке была создана, и, несмотря на появление в дальнейшем другим гексаметрических переводов, более близких к подлиннику, «поэтичность целого, гармоничность стиха, пластичность передачи образов ставят перевод Жуковского значительно выше переводов его более поздних соперников»³⁰, перевод «в целом... до сих пор остается лучшим»³¹.

Английский перевод «Одиссеи» был завершен Попом в 1725 году. Ориентиром для него служили французские переводы, представляющих собой иллюстрацию противополож-

ных точек зрения в «споре древних и новых»: прозаический перевод Анны Дасье и рифмованный, украшенный и в два раза сокращенный перевод де ла Мотта. Вероятно, на выбор стихотворного размера перевода также повлияла французская классицистическая поэтика. Исследователь отмечает, что Поп «признает прямое влияние Фенелона на его отношение к героям Гомера»³² – того самого Фенелона, роман которого «Телемак» был переведен Тредиаковским гексаметром, когда впервые на русском языке были продемонстрирована возможность звучания этого античного метра. Перевод Попа вписывается и в национальную литературную традицию: прежде всего в качестве параллелей можно назвать английский вариант повестей Диктиса и Дарета, а также Шекспира, трагедии которого также написаны пятистопным ямбом (у него же и знаменитое упоминание о событиях Троянской войны – *What's Hecuba to him, or he to Hecuba, that he should weep for her?*). Немаловажен был и факт перевода Чапмена, написанного тем же размером, показавший саму возможность звучания Гомера на английском.

30 Ошеров С. Послесловие// Гомер. Илиада; Одиссея. – М., 1967. – С. 713.

31 Савельева Л.И. Античность в русской поэзии к. XVII – н. XIX века. – Казань, 1980. – С. 59.

32 Stanford W.B. The Ulysses Theme. – Oxford, 1963. – P. 161.

Перевод Жуковского был завершен в 1849 году. От английской «Одиссеи» Попа его отделяет более чем вековая дистанция. Объединенные общностью материала, эти тексты объединены и установкой на доступность языка перевода, и общей ориентацией на существующие образцы. И если для Попа это французская переводческая практика, то для русского поэта – «Илиада» Гнедича и немецкие переводы Фосса и Штольберга, которые представляли собой первые гексаметрические переложения Гомера на новые языки. Значение немецких переводов для русской «Одиссеи» усиливается тем, что поэт не знал греческого языка, поэтому данные переводы и немецкий подстрочник Грасгофа становились неизбежным посредниками между Гомером и Жуковским. Посредничество немецкого языка было особенно неудачным, так как языки оригинала и перевода типологически схожи между собой (нр., развитая система падежных окончаний, склоняемые причастия, сходство словообразования, свободный синтаксис) и отличны от немецкого.

Интересно заметить, что «Одиссея» Жуковского практически не связана с предшествующей традицией передачи гомеровского эпоса

на русском языке. Если «Илиада» в переводе Гнедича продолжает традиции русских прозаических архаизирующих переводов Гомера, в которых присутствовали черты поэтики древнерусских воинских повестей, то перевод Жуковского не имеет такой генетической связи, так как поэт не ставил задачей специальное изучение предшествующих попыток перевода гомеровского эпоса. «Одиссея» была опубликована под заголовком «Новые стихотворения Жуковского», что показательно вписывает перевод прежде всего в контекст творчества самого поэта. Несмотря на то, что «Одиссея» – один из самых близких к подлиннику переводов Жуковского, это произведение не выходит за пределы художественного строя его собственной поэзии. Перевод Жуковского, который был выполнен без знакомства с греческим оригиналом, не опирался на традицию русских переводов «Одиссеи» и был близок оригинальным произведениям поэта по синтаксису и словоупотреблению, тем не менее оказывается одним из классических примеров передачи Гомера на русском языке, в наибольшей степени отвечает запросам читательской аудитории.

«Одиссея» Попа была переведена с греческого языка «героиче-

ским куплетом», пятистопным ямбом с парной рифмовкой. Как замечает исследователь, в классицистической поэтике английский пятистопный ямб наряду с немецким шестистопным ямбом и французским 12-сложником ощущался «как эквивалент одновременно и античного эпического гексаметра, и античного драматического триметра»³³. Эти метрические разновидности представляли собой единый «длинный стих», предназначенный для больших жанров в противоположность «среднему», стиху высокой лирики, и «короткому» для легкой песенной лирики. Употребление именно этого размера было продиктовано требованиями классицистической эстетики, воспринимавшей эпос, будь то «Одиссея», «Энеида» или поэмы Мильтона, как единую художественную систему с едиными законами, которые в поэмах Гомера соблюдались как раз не вполне строго. В то же время этот размер употреблялся и у Шекспира, и в переводе Чапмена.

Но насколько этот размер подходил для передачи эпического стиля? В пятистопном ямбе с парной рифмовкой, который использовал Поп, отчетливо заметна связь с александрийским

стихом французского эпоса. В нем, как и в александрийском стихе, единицей повествования становится не строка, а пара строк, замкнутых рифмой. Синтагма, не оконченная в первом стихе, занимает и весь следующий стих, а нарушение этого правила, *enjambement*, является нарушением нормы. Как замечает А.Н. Егунов, «длинное повествование александрийским стихом будет иметь склонность распадаться на четверостишия и двустишия, оно, так сказать, кратно двум, что определяет весь склад речи»³⁴. Эти слова правомерны и относительно перевода Попа. Одна строка гомеровского перевода у него, как правило, передается двумя, а остающееся пустое место заполняется более или менее подходящими по смыслу описаниями, определениями, что приводит к разжижению энергичной эпической речи. Так, самое начало «Одиссеи», с первого стиха дающее в подлиннике *enjambement* во второй стих:

ἄνδρα μοι ἔννεπε, μοῦσα, πολύτροπον, ὃς μάλα πολλὰ

Мужа мне рассказывай, Муза, многоповернутого, он очень много

πλάγχθη, ἐπεὶ Τροίης ἱερὸν πτολίεθρον ἔπερσεν:

33 Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. – М., 1984. – С. 53-54.

34 Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII – XIX веков. – М., 2001. – С. 82.

был заставлен блуждать, когда
Трои священный город разрушил.
у Попа, в силу свойств выбранного
размера, принимает форму:

The man for wisdom's various
arts renown'd,

Этого человека, мудрости раз-
личными искусствами прославленного,
Long exercised in woes, o Muse!
resound...

Долго испытанного в горе, о
Муза! прославь (повтори эхом)...

Таким образом, пятистопный
ямб деформирует инометрический
текст, делая невозможным эквилине-
арный перевод. Необходимость риф-
мовки ведет к однообразию рифм
(нр., уже в прооймионе «Одиссеи»,
в первых 14 строках перевода, два
раза зарифмовывается словосочета-
ние *natal shore* / *родной берег*, которо-
го нет в оригинале) и введению в текст
поэмы образов, отсутствующих в под-
линнике, как, например, *стена* Трои:

... his arms had wrought the
destined fall

... его руки осуществили пред-
начертанное падение

Of sacred Troy, and razed her
heaven-built wall...

Священной Трои, и разруши-
ли (до основания) ее небо-строенную
стену...

Размер перевода Жуковского
был predetermined успехом гексаме-
трической гнедичевской «Илиады»,
хотя и в оригинальном творчестве
Жуковский использовал гексаметр,
опираясь на немецкие опыты Клоп-
штока.

Использование тонического
гексаметра для передачи античного
эпического стиха стало возможным
после немецких переводов «Одиссеи»
и «Илиады», выполненных Фоссом.
Но отказ Гнедича от александрийско-
го стиха, освященного классицисти-
ческой поэтикой, вызвал осуждение
общественности: дискуссия о русском
гексаметре длилась в публицистике
около пяти лет. Гнедич шел за Фос-
сом из соображений близости к ори-
гиналу, и если немецкий переводчик
был вынужден грецизировать родной
язык, «чтобы подлинник все время
просвечивал сквозь его перевод»³⁵, то
морфологическое сходство русского и
греческого дали возможность создать
органичное подобие эпического метра
и эпического языка.

Жуковский применяет гекса-
метр не только при переводе Гомера и
в своих оригинальных стихотворени-
ях. Он также гексаметрически пере-

35 Егунов А.Н. Гомер в русских переводах
XVIII – XIX веков. – М., 2001. – С. 181.

лагает (с немецкого перевода) написанную на санскрите поэму «Наль и Дамаянти» и прозаическую «Ундину» Ламотт-Фуке. (В этот же период, одновременно с «Одиссеей», он переводит Новый Завет и персидский эпос «Рустем и Зораб»). Таким образом, гексаметр становится для Жуковско-го общим, родовым эпическим размером, используемым для передачи как древнеиндийского и древнегреческого эпоса, так и фольклоризированной «Ундины» (быть может, как варианта новоевропейского эпоса).

Между тем и тонический гексаметр, победивший александрийский стих, не является ритмическим аналогом античного размера. Как отмечает исследователь, «греческий, метрический, дактиль – стопа четырехдольная, так как его начальный слог по продолжительности равен двум кратким; акцентный тонический дактиль – стопа трехдольная, состоящая из трех слогов, причем первый несет на себе ударение»³⁶, и, следовательно, эти размеры, трехдольный («вальсовый») и четырехдольный («маршевый») «не равны и по эстетическому впечатлению»³⁷. Мнение о том, что сам этот размер может сделать пере-

36 Там же. – С. 375.

37 Там же. – С. 377.

вод ближе к подлиннику, основанное на читательском восприятии тонического гексаметра как показателя античной эстетики, верно в том отношении, что употребление гексаметра в русской поэзии не выходит за рамки античной или смыкающейся с ней тематики. Тем не менее «русский тонический гекзаметр как якобы подлинное одеяние Гомера – не что иное, как условность, не менее чем «античный» костюм во французском театре XVII и XVIII веков с его фижмами, страусовыми перьями, кирасами и т.д.»³⁸.

Синтаксис английского перевода естественно следует из парности и симметричности стихотворного размера. Он модернизирован, у Попа водятся совершенно чуждые Гомеру обороты:

– обособление определений и обстоятельств скобками:

... the nymph he found

... нимфу он нашел

(the fair-haired nymph with every beauty crown'd).

(светловолосую нимфу, увенчанную всеми красотами).

– прерывание речи патетическими восклицаниями, часто с междометиями:

Vain toils!/ Тщетные труды!

38 Там же. – С. 376.

Ah, men unblessed!/ Ах, мужи
злополучные!

или невозможные для эпоса
восклицания персонажей:

“Ah me! forbear!” returns the
queen “forbear,

«Увы мне! воздержись!» отве-
чает царица «воздержись!

Oh! talk not, talk not of vain
beauty's care...”

O! не говори, не говори о тщет-
ной заботе красоты ...»

– риторические вопросы:

Great Polypheme, of more than
mortal might?

Великий Полифем, имеющий
мощь большую, чем смертный?

Синтаксис оригинала изменяет-
ся в переводе Попа до неузнаваемости.

В русском переводе, несмотря
на стремление Жуковского к точной
передаче порядка слов и синтаксиче-
ского строя подлинника, происходит
трансформация другого уровня: пере-
водчик вводит в текст длинные, слож-
ные периоды, нарушающие строй
эпической речи.

В английском переводе модер-
низация происходит не только в син-
таксисе, и в лексике: в тексте появля-
ются *небесная Муза* (celestial Muse),
синод богов (the synod of the gods),
дворец (palace), *шахматы* (chess),

беспокойства ночи (inquietudes of
night), *амброзиальный пир* (ambrosial
banquet). Гомер Попа должен был от-
вечать требованиям эпохи к эпосе,
поэма должна была быть одновремен-
но величавой и светской.

В переводе Жуковского лекси-
ка намеренно архаизирована: у него
встречаются такие слова, как *палата*,
сорочка, *тризна*, *пуховая постель*, *бра-
нный стол*, *круговые чаши*, *сели чином* и
т.д. Соединение русских выражений и
античных имен создает каламбурный
эффект: так, *я попытаюсь на шею вам
Парк неизбежных накликасть* (II, 316)
неудачно соединяет в себе русский
оборот *на шею накликасть* с именем
римских богинь судьбы. В основном
же Жуковский придерживался грече-
ских вариантов имен античных богов,
и в этом его перевод последователен.

У Попа имена греческих богов,
мало известные читателю, заменяют-
ся римскими, а иногда и вовсе опу-
скаются (так, например, исчезает из
перевода богиня зари Эос). Несмотря
на то, что перевод Попа называется
«Odyssey», главный герой нигде бо-
лее не называется Одиссеем, предпо-
чтение отдается более узнаваемой ла-
тинизированной форме *Улисс/ Ulyss*.
В английском переводе вообще мно-
го лексики латинского происхожде-

ния, но, вероятно, появление римских имен и реалий объясняется нерасчленимым образом античности, господствовавшим в то время, когда «оригиналы и копии, римское и греческое смешивалось»³⁹. Путь к греческому искусству еще только открывался, но и сам перевод Гомера, его новое прочтение, знаменовало собой шаг по этому пути.

Переводы Попа и Жуковского, остающиеся наиболее популярными художественными переложениями «Одиссеи» Гомера, заняли в национальных традициях свою эстетическую нишу. Оба эти текста в силу творческого и цельного подхода переводчиков-поэтов, вдохновленных образом Гомера, обрели неповторимое звучание. Но их ценность как художественных произведений еще не определяет их достоинств как переводов гомеровского текста. По замечанию А.Н. Егунова, «Одиссея Жуковского «читается легко», согласно ходячему выражению – в самом деле, много легче, чем Илиада Гнедича. Но как раз то, что она «читается легко», в данном случае не является положительной стороной произведения, которое не должно «читаться легко» и у

себя на родине никогда не «читалось легко»⁴⁰.

Выводы

Итак, мифологема странствия реализуется в оригинале и переводах по-разному. При изменении облика героев сам смысл странствия, его восприятие меняются; и если уже греческий эпос представляет собой позднюю стадию осмысления ритуала, к которому генетически восходит сюжет, то переводы представляют собой принципиально иные художественные структуры. Во время их создания сам сюжет странствия был уже опосредован не только сказкой, то есть мифом десакрализованным, но и хождениями и путешествиями, жанрами новой литературы, и для возвращения к Гомеру нужно было пройти, миновав их, обратно к истоку словесности.

Жуковский сам упоминает о жанровом тяготении своего перевода к сказке: «я везде старался сохранить простой, сказочный язык... не заставляя его кривляться по-гречески»⁴¹. Восприятие переводчиком антично-

39 Михайлов А.В. Языки культуры. – М., 1997. – С. 528.

40 Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII – XIX веков. – М., 2001. – С. 373.

41 Жуковский В.А. Избранное. – М., 1986. – С. 519.

сти как наивной и ребячливой, простодушной и в то же время меланхолической древности привело к тому, что его перевод, став для русского читателя узнаваемым по сказочным предметам быта и оборотам речи, не передает многие черты оригинала. «Между тем в гомеровской Одиссее грозные силы стихий и богов не менее опасны для человека, чем сражения в военных сценах Илиады, и море, и суша полны страшилищ, гибель подстерегает человека на каждом шагу и даже дома»⁴². А в переводе Жуковского «Одиссея превращается в сказку, но не фольклорную, а сказку просвещенного века, в которую всерьез не верят – ни сам рассказчик, ни его слушатели». Поэтому, вероятно, из-за фольклорно-эстетизированного характера перевода, русская «Одиссея» не вызвала споров, как «Илиада» Гнедича, хотя и представляла по отношению к ней новый метод перевода Гомера.

«Одиссея» Попа была результатом работы другого рода, не добродушно-фольклорного переосмысления, а своеобразной корректировки. Нормативность классицистической эстетики была причиной изменений хорошего вкуса, соответ-

ственно которому характеры должны были быть индивидуализированы, описания, передаваемые сложными эпитетами, развернуты, сама действительность украшена. Такое прочтение эпоса, привнесение в него психологизма вплотную приближало его к роману, и тогда возвращение героя могло восприниматься уже не как воля богов, но как его собственная заслуга, свидетельство его духовного совершенствования, становления, подобно возвращением домой мореплавателей просветительских романов. Синтетичность стиля английской «Одиссеи», внесение в нее лирических излишеств героев и неупотребимых у Гомера прерывистых диалогов также сближают ее с романским жанром. Вероятно, эта близость к литературной традиции того времени, индивидуальность героев стала причиной популярности поэмы среди читателей.

Таким образом, трансформация сюжетобразующей мифологемы странствия идет в переводах по принципиально разным путям: в переводе Жуковского это сказочная архаизация, обращение эпоса в русской фольклорной традиции; в английском переводе – модернизация по образцу романа. Это обусловлено принадлежностью поэтов-переводчиков к разным лите-

⁴² Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII – XIX веков. – М., 2001. – С. 326.

ратурным направлениям: поэма романтика Жуковского отсылает к идеальному миру прекрасной старины, а поэма классициста Попа утверждает величие человека в мире стихий и грозных богов.

Романная поэма Попа, вызвавшая много восхищенных откликов, несмотря на распространенность в современном ему обществе чтения классиков в оригинале, сразу стала популярна. «Одиссея» Жуковского воспринималась скорее как восполнение лакуны в русской традиции, хотя Гоголь, например, ожидал, что «появление “Одиссеи” произведет эпоху», в отличие от гнедичевской «Илиады», она станет «чтением всеобщим и народным», благотворно подействует на нравы и литературу⁴³.

Но русская «Одиссея», как и русская «Илиада», не стала той ожидаемой поэмой, которую, по словам Гоголя, «дворянин, мещанин, купец, грамотей и неграмотей, рядовой солдат, лакей, ребенок обоего пола, начиная с того возраста, когда ребенок начинает любить сказку... прочитают и выслушают без скуки»⁴⁴. Появив-

шиеся в печати рецензии критиков, отдавая дань гладкости и поэтичности языка перевода, народным выражениям, приближающим читателя к простоте гомеровского языка, тем не менее отмечали неточность передачи реалий, субъективную окраску описаний, некоторую неестественность образования эпитетов, тенденцию к христианизации эпоса. Как замечал один из критиков, Г.Дестунис, «идеально-поэтическое» направление перевода Жуковского «отнимает порой у Гомера его полудикую, природную прелесть... от этой эстетической и нравственной идеализации мелькает индеевизна, которой лучше не замечать в переводе»⁴⁵.

Переводы Попа и Жуковского остаются классическими переводами «Одиссеи» Гомера. Как отмечает А.Н. Егунов, рассматривая переводы Гнедича и Жуковского, «смысл признания их классическими заключается не только в том, что они хороши, но и в том, что они входят в классическую русскую литературу»⁴⁶, становятся частью национальной традиции, узнаваемым способом передачи Гомера на русском языке. То же справедливо и

43 Гоголь Н.В. Об «Одиссее» Гомера, переводимой Жуковским. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://skola.ogreland.lv>

44 Там же.

45 Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII – XIX веков. – М., 2001. – С. 344.

46 Там же. – С. 354.

относительно перевода Попа. Гомеровская «Одиссея» переосмысливается в переводах, и от облика, придаваемого ей в ином языке, во многом зависит ее восприятие в дальнейшей традиции.

Разница в восприятии античного наследия – понятие антологического стиха (которому нет соответствия в других культурах), введенное Белинским, множество произведений античной тематики в англоязычной традиции (нр., «Медея» В.Вулф, «Кентавр» Апдайк) и восприятие античной формы и мотивов в русской литературе как некоего «экзотизма», част

поэтической фразеологии – пролагает пути к дальнейшему исследованию типологии осмысления античности в разных культурах. Как и оригинальное произведение, перевод является фактом национальной литературы, и, быть может, различия в передаче эпоса двумя переводчиками, Попом и Жуковским, могут помочь исследованию преломления в русской и англоязычной литературах античной культуры как таковой. Ведь сказочный Одиссей Жуковского, в отличие от романного Улисса Попа, вряд ли мог быть прототипом героя Джойса.

Список литературных источников

1. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. – М., 1984. – 319 с.
2. Гоголь Н.В. Об «Одиссее» Гомера, переводимой Жуковским. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://skola.ogreland.lv>
3. Гомер. Илиада; Одиссея. – М., 1967. – 765 с.
4. Гомер. Илиада; Одиссея. – М., 1987. – 400 с.
5. Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII – XIX веков. – М., 2001. – 400 с.
6. Жуковский В.А. Избранное. – М., 1986. – 560 с.
7. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. В 2 т. – СПб, 1995. – Т. 1. Проза. – 314 с.
8. Михайлов А.В. Языки культуры. – М., 1997. – 912 с.
9. Набоков В. Избранное. – М., 1990. – 688 с.
10. Поляков М. Вопросы поэтики и художественной семантики. – М., 1978. – 446 с.

11. Савельева Л.И. Античность в русской поэзии к. XVII – н. XIX века. – Казань, 1980. – 119 с.
12. Хализев В.Е. Теория литературы. – М., 2000. – 405 с.
13. Buckley T.A. Introduction to Homer's Odyssey translated by Alexander Pope. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gutenberg.net
14. Homer. Odyssey (Greek) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.perseus.org
15. Homer. Odyssey (translated by Alexander Pope). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gutenberg.net
16. Stanford W.B. The Ulysses Theme. – Oxford, 1963. – 340 p.

Translations of the "Odyssey" by A. Pope and V. Zhukovskii: stylistic-semantic transformation of the epic text as a way to adapt to the modern aesthetics

Serdechnaya Vera Vladimirovna

PhD (Philology),

science editor of "Analitika Rodis" publishing,

P.O. Box142400, Rogozhskaya st. № 7, Noginsk, Moscow region, Russia;

e-mail: rindra@rambler.ru

Abstract

The subject of article is a comparative study of the effect of translation transformation on the image of the ancient epic, taking as an example the translation of "Odyssey" of Homer into Russian by V.A. Zhukovskii and in English by A. Pope. The purpose of the article is to identify the impact of style on the style of the time of translation, as well as the possible impact on the further transfer of readability in the linguistic consciousness. The research methodology was based on the methods of translation studies, comparative and historical literary criticism. The study can be used in courses on the history of literature and intercultural

communication. The author concludes that the studied transfers of the "Odyssey" of Homer are highly influential representations of ancient culture in English and Russian traditions, impacting on the further understanding of the image of Odysseus, in particular, within each culture. Zhukovskii's translation maintains a manner of romantic poems of early Russian romanticism and is written in a "fabulous" and archaic language, with the imitation of the hexameter verse in Russian. Pope made his translation in a "heroic couplet" – rhymed iambic pentameter, the style of language and imagery that should clearly translate the classic pattern. Thus, we can say that Russian tradition, influenced by the translation of Zhukovskii, formed fabulously patriarchal image of Odysseus, which has parallels in both characters romantic poems and tales of heroes. In English traditions, however, under the influence of translation of Pope, Odysseus is "high" classic hero, far from a fairy-tale hero, and from the majestic simplicity of the epic of Homer.

Keywords

Homer's "Odyssey", A. Pope, V. Zhukovskii, translation studies, transformation of translation.

References

1. Gasparov, M.L. (1984), *Essay on the history of Russian verse [Ocherk istorii russkogo stikha]*, Moscow, 319 p.
2. Gogol, N.V. (1846), "On the "Odyssey" of Homer, translated by Zhukovsky" ["Ob "Odisee" Gomera, perevodimoi Zhukovskim"], available at: <http://skola.ogreland.lv>
3. Homer (1967), *Iliad; The Odyssey [Iliada; Odisseya]*, Moscow, 765 p.
4. Homer (1987), *Iliad; The Odyssey [Iliada; Odisseya]*, Moscow, 400 p.
5. Egunov, A.N. (2001), *Homer in Russian translations of XVIII – XIX centuries. [Gomer v russkikh perevodakh XVIII – XIX vekov]*, Moscow, 400 p.
6. Zhukovskii V.A. (1986), *The selected works [Izbrannoe]*, Moscow, 560 p.
7. *The history of Russian literature in translation. Ancient Russia. XVIII century. In 2 vols. Vol. 1. [Istoriya russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury. Drevnyaya Rus'. XVIII vek. V 2 t. T. 1.]*, Proza, St. Petersburg, 1995, 314 p.
8. Mikhailov, A.V. (1997), *Languages of culture [Yazyki kul'tury]*, Moscow, 912 p.

9. Nabokov, V. (1990), *The selected works*. [Izbrannoe], Moscow, 688 p.
10. Polyakov, M. (1978), *Issues of poetics and artistic semantics* [Voprosy poetiki i khudozhestvennoi semantiki], Moscow, 446 p.
11. Savel'eva L.I. (1980), *Antiquity in Russian poetry since the end of XVII – beginning of XIX century* [Antichnost' v russkoi poezii kontsa XVII – nachala XIX veka], Kazan, 119 p.
12. Khalizev, V.E. (2000), *Theory of Literature* [Teoriya literatury], Moscow, 405 p.
13. Buckley T.A. (1882), "Introduction to Homer's Odyssey translated by Alexander Pope", available at www.gutenberg.net
14. Homer. "Odyssey" (Greek), available at: www.perseus.org
15. Homer. "Odyssey" (translated by Alexander Pope), available at: www.gutenberg.net
16. Stanford, W.B. (1963). *The Ulysses Theme*, Oxford, 340 p.